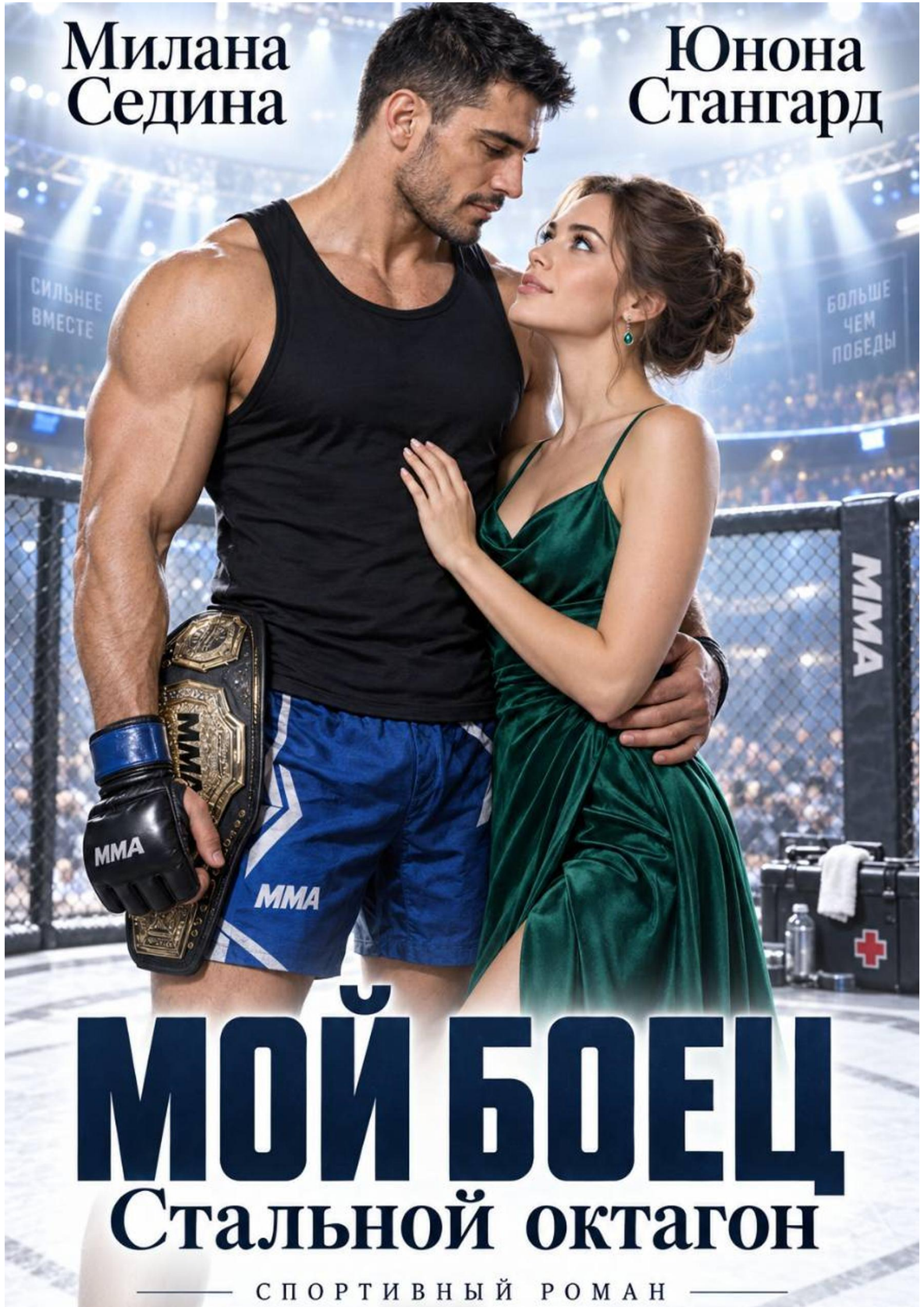

Милана
Седина

Юнона
Стангард

A romantic scene between a muscular MMA fighter and a woman in a green dress. The fighter, wearing blue shorts and a black tank top, holds a championship belt and a black MMA glove. They are embracing in an MMA octagon with a cheering crowd in the background. Banners in the background read "СИЛЬНЕЕ ВМЕСТЕ" and "БОЛЬШЕ ЧЕМ ПОБЕДЫ".

МОЙ БОЕЦ

Стальной октагон

— СПОРТИВНЫЙ РОМАН —

Юнона Стангард

Мой боец. Стальной октагон

«Автор»

«Автор»

2026

Стангард Ю.

Мой боец. Стальной октагон / Ю. Стангард — «Автор», «Автор»,
2026

Я отказалась подделать допинг-пробу — и лишилась карьеры в Москве. Теперь я, травматолог Лилия Воронова, начинаю с нуля на заводской окраине Урала. Но вместо первых пациентов в мой кабинет врываются бандиты. От удара меня закрывает Руслан «Кузнец» Шахов — непобеждённый боец ММА, который привык решать всё кулаками. Только его правая рука сломана, а до боя за чемпионский пояс — двадцать один день. Если он не выйдет в октагон, родной клуб отберут, а мальчишек выгонят на улицу. Он защищает меня от чужой жестокости. Я должна спасти его руку и карьеру. Но как держать врачебную дистанцию с мужчиной, рядом с которым впервые хочется не бежать, а остаться?

© Стангард Ю., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Стеклоанный барьер	6
Глава 2. Сталь против лома	9
Глава 3. Под моей защитой	12
Глава 4. Ключи от дома	16
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Милана Седина, Юнона Стангард

Мой боец. Стальной октагон

Мой боец. Стальной октагон

Милана Седина и Юнона Стангард

Глава 1. Стекланный барьер

Запястье ныло от мелкой, вьедливой дрожи: я затягивала последний юстировочный винт на шарнире оптического манипулятора. Маленький шестигранный ключ скользил во влажных от напряжения пальцах, но каленый металл наконец поддался, мягко щелкнул, и зеленый светодиод калибровки вспыхнул ровным, чистым изумрудом. Длина волны — ровно 1064 нанометра. Сверхмощный импульсный лазер BTL-6000 был готов к работе.

Я опустила руки и медленно выдохнула, отпуская накопившееся напряжение. В пустом процедурном боксе пахло озоном, высыхающим медицинским спиртом и свежей краской дешевого белого пластика, которым заводские отделочники обшили стены перед моим заездом. За двойным оконным стеклом хлестал бесконечный осенний ливень, барабана по жестяным отливам и смывая черную заводскую сажу с тяжелых чугунных решеток.

В этих тридцати квадратных метрах на первом этаже дома культуры трубного завода поместилась вся моя прошлая и будущая жизнь. Все три года столичной каторги в отделении спортивной травматологии ЦИТО имени Приорова, все бесконечные ночные дежурства у операционных столов, каждая чашка остывшего кофе, на которой я сэкономила копейки. И всё, что осталось после унижительного, спешного бегства из Москвы.

Там, в ЦИТО, меня считали кудесницей. «Девочка с золотыми пальцами», — шептались хирурги за моей спиной, когда я по микромиллиметрам, с помощью тончайших титановых спиц и авторской динамической фиксации, собрала раздробленную в крошево ладьевидную кость ведущему нападающему клуба КХЛ. Это было накануне самого старта плей-офф Кубка Гагарина. Консилиум маститых профессоров единодушно списывал парня в тираж, пророча ему пожизненную контрактуру лучезапястного сустава и крест на профессиональной карьере. Я вытащила его за три недели. Он вышел на лед в третьем матче финальной серии, забросил решающую шайбу и на глазах ревущего многотысячного стадиона поднял тяжелый серебряный кубок над головой.

А ровно через месяц в мой ординаторский кабинет без стука вошел главный врач института, профессор Громов. Холеный, лоснящийся, пахнущий дорогим вишневым табаком и выдержанным коньяком, он положил передо мной запаянную стеклянную пробирку с допинг-пробой сына заместителя министра спорта и официальный приказ замаскировать чудовищные дозы рекомбинантного эритропоетина под терапевтическое исключение.

— Лилечка, девочка моя, — мурлыкал он, поглаживая золотой перстень на пухлом пальце. — Мальчик просто переволновался перед Спартакиадой. Замминистра — человек с колоссальными возможностями. Подпишешь экспертное заключение задним числом — и кафедра твоя, и защита докторской пройдет без сучка и задоринки.

Я не стала кричать или устраивать сцен. Я просто взяла пробирку двумя пальцами, брезгливо сдвинула ее к краю своего рабочего стола и, глядя ему прямо в сытые глаза, тихо сказала:

— Я давала клятву лечить людей, профессор, а не покрывать подлецов и уголовников. Ищите себе другого фальсификатора.

Громов не стал спорить. Он уничтожил меня методично, хладнокровно, одним росчерком министерского пера. Защиту моей докторской диссертации сорвали, объявив работу плагиатом и обвинив меня в краже методик зарубежной клиники. Следом пустили слух о хищении наркотиков — проверка стала удобным поводом для увольнения. Ведущие спортивные центры страны за сорок восемь часов получили негласную директиву: Воронову на порог не пускать ни под каким предлогом. Мой мир, выстроенный годами каторжного труда, рассыпался в прах. Сбрав один чемодан с одеждой и погрузив в кузов попутной фуры лазерный аппарат, купленный на последние сбережения и в неподъемный кредит, я уехала сюда — на заводскую окраину Урала, где воздух на рассвете пах мокрой окалиной, мазутом и сырым чугуном.

Здесь мой независимый кабинет экспресс-реабилитации делил глухую полуметровую бетонную стену с молодежной ледовой ареной и залом смешанных единоборств «Молот». Сквозь перегородку доносился непрерывный, упругий гул: звонкий стук хоккейных шайб о пластиковые борта, свистки тренеров, а ближе, прямо за дверью — тяжелые, глухие, дробящие удары по тугим мешкам с сырым песком. Там тренировались бойцы ММА. Люди с рассеченными надбровьями, переломанными хрящами ушей и тяжелым, волчьим взглядом, от которого у столичных интеллигентов перехватывало дыхание.

Я потянулась к стеклянной полке за коробкой со стерильными бинтами, когда тишину кабинета разорвал страшный грохот.

Пластиковая дверь не просто распахнулась — она впечаталась в стену от сокрушительного удара кованого носка, выбив крошево сухой штукатурки. На белом линолеуме остался жирный, масляный след от тяжелого рифленого протектора армейского берца.

В бокс ввалились трое.

Впереди шел мужчина лет тридцати пяти в расстегнутой потертой кожаной куртке, из-под которой виднелась застиранная футболка. Через всю его левую щеку — от скуловой кости до самого угла искривленного рта — тянулся уродливый багровый келлоидный рубец. В помещении мгновенно запахло сырым бензином, дешевым перегаром и едким табачным дымом. За ним переминались с ноги на ногу двое бритоголовых громил в одинаковых серых толстовках, чьи плечи едва проходили в стандартный проем. В опущенной руке одного из них тускло блеснула граненая стальная монтировка длиной в полметра.

Сердце внутри меня пропустило удар, но кровь не прилила к щекам — наоборот, внутри разлился ледяной, хирургический холод. Это состояние железного спокойствия всегда накрывало меня во время сложнейших операций, когда отсекались любые лишние чувства.

Я не сдвинулась с места у операционного стола, расправив плечи и вздернув подбородок:

— Здесь манипуляционный бокс строгой асептики. Немедленно покиньте помещение. Либо наденьте бахилы у входа и ждите приема в коридоре.

Бригадир боевиков — матерый уголовник Григорий по кличке Шрам — оглядел меня с головы до ног сальным, липким взглядом, скривил рот, обнажая желтый сколотый резец, и неторопливо полез в карман. Достал наполовину выкуренную сигарету, чиркнул зажигалкой, затянулся и демонстративно прижал тлеющий табак к белому линолеуму прямо у носков моих туфель.

— Бахилы, слышь? — прохрипел он, выпустив струю вонючего серого дыма прямо мне в лицо. — Докторша, ты берега попутала. Ты куда приехала вообще? На этой земле за каждый квадратный метр платят Эдуарду Леонидовичу Казанцеву. Триста тысяч рублей наличными на бочку прямо сейчас, за вход и ежемесячную крышу. Или мы твои немецкие стекляшки прямо на асфальт вынесем. В строительных мешках для мусора.

Моя правая рука незаметно скользнула в карман накрахмаленного медицинского халата. Пальцы нащупали телефон, нажали качельку громкости — на экране бесшумно вспыхнул красный кружок заранее настроенной диктофонной записи. Телефон остался в кармане халата — весь разговор продолжал записываться.

— У меня прямой договор пятилетней субаренды с дирекцией трубного завода, — отчеканила я, глядя главарю прямо в переносицу. — И бессрочная медицинская лицензия Минздрава РФ. Все вымогательства и угрозы сейчас фиксируются на аудиозапись. Если через тридцать секунд вы не очистите помещение, я нажимаю тревожную кнопку вызова вневедомственной охраны.

Шрам хрипло, издевательски заржал, и двое быков за его спиной поддержали его мерзким гогомом:

— Охрана, пацаны, слышали? Да сюда менты по заводской грязи сорок минут трястись будут! А за сорок минут тебя тут так разукрасят, что родная мамка в морге не опознает. Умная,

сука. Леха, завали этот шкаф с лампочками к чертовой матери. Посмотрим, как она без него запоет.

Бык с монтировкой сделал тяжелый шаг к лазерной стойке BTL-6000. Это оборудование стоило два с половиной миллиона рублей, за которые я каждый месяц отдавала банку всю свою выручку. Если будет повреждена оптическая призма манипулятора — я останусь нищей девчонкой на улице, с долгами на всю жизнь.

Страх испарился окончательно. Осталась лишь чистая, холодная ярость загнанного зверя.

Не успел громила протянуть лапу к толстому экранированному оптоволоконному кабелю, как я метнулась к манипуляционному столику. Пальцы молниеносно сорвали пластиковый колпачок с одноразового хирургического скальпеля №11. Углеродистая хирургическая сталь, угол заточки пятнадцать градусов. Одно короткое движение — и скальпель лег в ладонь.

Я встала в полушаге от амбала, выставив острие лезвия точно на уровне его шеи. Кончик скальпеля замер у боковой поверхности шеи.

— Еще одно движение рукой — и я вскрою тебе сонную артерию, — сказала я тихо, но с такой леденящей сталью в голосе, что смех бандитов мгновенно захлебнулся. — Я ведущий сосудистый травматолог, мальчик. Я знаю топографическую анатомию до микрона. Фонтан крови достанет до потолка, а ты захлебнешься собственной кровью через двадцать секунд. Хочешь проверить, дрогнет ли у меня рука?

Громила оцепенел. Его зрачки сузились до булавочных головок, он замер с полуподнятой рукой, глядя на лезвие перед своим кадыком. Он привык ломать безоружных торговцев животным страхом, но сейчас наткнулся на женщину-хирурга, для которой резать живую плоть и останавливать кровотечения было ежедневной рутинной.

Шрам сплюнул темную табачную слюну на чистый пол, скривившись от бессильной злобы:

— Да пошла ты со своими скальпелями... Думаешь, Казанцеву твои жалкие копейки сдались? Ему нахер не нужны твои триста штук, дура! Ему нужно всё правое крыло здания. Целиком! Под вип-тотализатор и закрытый бойцовский клуб к чемпионскому бою. Никаких врачей и спортзалов здесь не будет. Клуб «Молот» идет под снос, а ты первая попала под зачистку!

«Вот оно что, — обожгла страшная догадка. — Это не банальный рэкет залетных уроков. Это планомерная зачистка комплекса перед криминальным рейдерским захватом».

Второй бык попытался использовать секундную паузу. Он бесшумно шагнул мне за спину, рассчитывая перехватить правое предплечье и выбить скальпель. Его тяжелая, прокуренная ручища сомкнулась на моем запястье, выкручивая сустав на излом.

Острая боль обожгла связки, но вместо слепого сопротивления сработал рефлекс спортивного кинезиолога. Я не стала тянуть руку на себя, пытаюсь пересилить сто килограммов чужого мяса. Наоборот: я резко подалась корпусом вперед навстречу захвату, а большим пальцем левой руки с чудовищной силой впиалась в анатомическую табакерку нападающего — в зону шиловидного отростка лучевой кости, прямо в нервный ствол.

Палец вошел точно в болевую точку. Громила взвыл дурным голосом, его пальцы судорожно разжались, и он согнулся пополам, баюкая онемевшую руку.

Но первый бык у лазера уже опомнился. Лицо его перекошило от бешеной ненависти. Он перехватил стальную монтировку двумя руками, занес ее над моей головой и застекленной витриной с ампулами остеотропных пептидов:

— Сука столичная! — взревел он, обрушивая полутонна килограммовый лом вниз.

Я не успевала отскочить. Единственное, что я успела сделать — это инстинктивно развернуться и закрыть собой стеклянные полки с ампулами, втянув голову в плечи и приготовившись принять дробящий удар по спине.

Глава 2. Сталь против лома

Удара не последовало.

Воздух разорвал оглушительный треск дерева: массивная дубовая перегородка, отделявшая коридор, содрогнулась, а занесенная монтировка намертво застыла в воздухе в десяти сантиметрах от моего затылка.

Ее перехватила огромная, покрытая засохшей кровью и белыми размотанными бинтами мужская ладонь. Толстые узловатые пальцы сжались на рифленой стали лома с такой сокрушительной мощностью, что металл нутужно заскрипел.

За моей спиной выросла непреодолимая монолитная стена.

От него веяло обжигающим жаром распаренного после тяжелой тренировки тела, запахом соснового дегтя, хозяйственного мыла и концентрированной, первобытной угрозы. Широкие плечи перекрывали дверной проем от косяка до косяка. В одних мокрых тренировочных трико и черной майке-борцовке, из-под которой бугрились жгуты грудных мышц и широчайшие крылья спины. Короткий ежик мокрых черных волос, гранитная челюсть и глаза — темные, бездонные колодцы стылой уральской стали.

Руслан «Кузнец» Шахов. Первый номер рейтинга ММА полусреднего веса.

— Ты чью аппаратуру ломать собрался, пададь? — его низкий, рокошущий бас заставил зазвенеть стеклянные пробирки на моем столике.

* * *

Бандит с монтировкой попытался дернуть рычаг на себя, но сдвинуть Шахова было все равно что пытаться голыми руками сдвинуть чугунный сляб. Руслан даже не шелохнулся. Его пальцы сжались еще сильнее, и на лбу нападающего выступили крупные бисерины холодного пота.

Второй подручный, баюкавший отбитый нерв, взревел от ярости и выбросил свободный левый кулак точно в челюсть Шахова.

Руслан даже не дрогнул — лишь коротко сместил подбородок к ключице, встречая кулак каменной лобной костью, и тут же, без малейшего замаха, вонзил сокрушительный встречный локоть снизу вверх точно в подбородок нападающего. Раздался сухой, тошнотворный хруст ломающейся нижней челюсти. Стокилограммовое тело амбала подбросило в воздух, он перелетел через порог и мешком рухнул на бетон коридора, мгновенно потеряв сознание.

Шрам отшатнулся к выходу, лихорадочно расстегивая клапан поясной кобуры. Из-под куртки показался черный четырехствольный корпус травматического пистолета «Оса»:

— Назад, зверюга! — завизжал он, судорожно перехватывая пистолет. — Ногу прострелю, до ринга не доползешь!

Тяжелая резиновая пуля со стальным сердечником с трех шагов гарантированно дробила коленную чашечку в порошок. Я открыла рот, чтобы крикнуть, но Руслан уже двигался.

Он не пятился и не пытался спрятаться за угол. Он шагнул прямо на направленный ствол с такой сокрушительной, неумолимой скоростью, что Шрам просто не успел нажать на спуск. Левая рука Руслана накрыла дуло, с силой выкручивая оружие и ломая силуминовый корпус пистолета о собственное железное колено. Металл хрустнул, словно сухая ветка, а правое плечо бойца бронебойным тараном врезалось в грудную клетку главаря, вынося его сквозь входной тамбур прямо на улицу.

Я бросилась следом за ними в тамбур.

За порогом хлестал ледяной осенний ливень. Струи воды с шумом разбивались о разбитый асфальт заводского двора, клубясь белесым паром над канализационными люками.

Оставшийся на ногах подручный у крыльца поднял из грязной лужи полутораметровую водопроводную трубу и с диким воем бросился на Руслана со слепой зоны, целясь чугуном прямо в затылок бойца.

— Сзади! — закричала я, срывая голос в шуме дождя.

Руслан среагировал мгновенно, будто обладал звериным шестым чувством. Он поднырнул под свистящую трубу, пропустив удар в миллиметрах над мокрыми волосами, левой рукой вцепился в ворот куртки нападающего, подвернул бедро и с идеальной амплитудой классического дзюдо провел сокрушительный бросок через спину.

Громила с грохотом перелетел через плечо Руслана и со всего размаха впечатался спиной в мокрый кирпичный угол котельной. Из распахнувшейся куртки вылетел пластиковый планшет сборщика долгов со служебным маршрутным листом и пакетом документов рейдерского захвата, шлепнувшись в лужу прямо у моих ног.

Я машинально подхватила его из воды. Под прозрачной пленкой лежал официальный бланк коллекторского агентства «Вектор-С» на принудительное опечатывание помещений клуба «Молот» с приложенной нотариальной копией долгового обязательства: *«Обязуюсь вернуть Казанцеву Э. Л. сумму в три миллиона рублей до первого числа следующего месяца. В залог выполнения обязательств передаю право бессрочного пользования всеми помещениями клуба Молот. Старший тренер Рогов М. С.»*. Они приехали не для случайного погрома — это был плановый силовой отжим.

У меня перехватило дыхание. Капкан, сжимавшийся вокруг зала, был подтвержден документально.

Тем временем Руслан настиг Шрама у кованых перил крыльца. Он поднял главаря за шиворот одной левой рукой, оторвав его ноги от земли и прижав спиной к чугунным пикам ограды.

— Передай своему хозяину, — процедил Шахов прямо в залитое дождем и кровью лицо бандита. Голос его звучал глухо, страшно и абсолютно спокойно. — Если хоть одна твоя шестерка еще раз посмеет сунуться к доктору или переступить порог этого зала... Я не буду ждать чемпионского боя. Я приду к Казанцеву в его ресторан и оторву ему башку голыми руками прямо при его охране. Ты меня понял?

Он разжал пальцы, и Шрам кубарем скатился по мокрым ступеням в раскисшую глину. Подвывая от ужаса и с трудом волоча переломанного поделника, бандиты доковыляли до стоявшего в темноте тонированного внедорожника. Заревел форсированный мотор, колеса с визгом взрезали мокрый гравий, и машина на бешеной скорости скрылась за чугунными воротами заводского КПП.

Во дворе воцарилась тишина, нарушаемая лишь мерным шумом ливня. Руслан стоял на ветру под струями воды, его широкая грудь вздымалась, пар клубился над темными плечами.

— Зайди внутрь, Лиля, — бросил он хрипло через плечо. — Простудишься.

Он шагнул обратно в сухой тамбур, потянулся правой рукой к массивному амбарному засову входной двери, чтобы запереть ее изнутри, но пальцы внезапно свело судорогой.

Из его горла вырвался придушенный стон боли, и тяжелый стальной засов с оглушительным звоном выскользнул из его ладони, ударившись о бетон. Могучий боец пошатнулся, оперся плечом о кирпичную кладку и судорожно прижал правую кисть к животу.

Я мгновенно оказалась рядом. Мой профессиональный взгляд впился в его руку: эластичный бинт на правом запястье набух темной венозной кровью, а тыльная сторона кисти неестественно выпирала студенистым багровым холмом.

— Руку покажи, — скомандовала я ледяным тоном, не терпящим возражений.

— Пустяки, доктор, — Руслан попытался отстраниться, пряча кисть за спину и упрямо вздернув подбородок. — На спарринге дернул. Степаныч локтем встретил, обычный ушиб связки. До утра само отпустит.

— Я сказала: покажи руку. Немедленно.

Я вцепилась обеими ладонями в его мокрое плечо, преграждая путь в коридор. Он был вдвое тяжелее меня, но в моих глазах горела такая непреклонная ярость, что он замер.

— Сожми кулак, — потребовала я.

Руслан усмехнулся углом рта, пытаясь доказать, что он держит удар, и начал медленно сводить пальцы правой кисти. Но едва фаланги согнулись наполовину, я шагнула ближе и кончиком своего указательного пальца едва заметно коснулась тыльной стороны кисти над поврежденной третьей пястной костью.

Этого легчайшего прикосновения хватило.

Могучее тело бойца конвульсивно содрогнулось. Руслан отшатнулся к стене, его лицо мгновенно посерело, а по вискам заструился холодный пот. Зубы клацнули, удерживая крик нестерпимой боли.

— Какой, к черту, ушиб связки?! — мой голос сорвался на свистящий шепот, полный праведного гнева. — Ты кость сломал, Шахов! Твой титульный бой через двадцать один день. Если я сейчас же не вскрою эту повязку — через три недели ты выйдешь в октагон калекой. Ты не то что бить — ты кружку с чаем этой рукой держать не сможешь до конца жизни! Выбирай прямо сейчас: клетка или инвалидное кресло!

Руслан тяжело посмотрел на меня из-под нависших черных бровей. В его темных глазах ярость боролась с осознанием страшной правды. Затем он шумно втянул носом сырой воздух, опустил плечи и молча переступил порог моего процедурного бокса.

Теперь его битва была в моих руках.

Глава 3. Под моей защитой

В боксе ярко горела бестеневая хирургическая лампа, заливая операционное кресло ослепительным белым светом. Руслан тяжело опустился на сиденье, металлическая рама жалобно скрипнула под его весом.

Я натянула стерильные нитриловые перчатки, взяла изогнутые медицинские ножницы Листера с безопасной пуговкой на конце и аккуратно срезала пропитанные кровью слои эластичного бинта, намертво присохшие к содранной коже костяшек.

Картина была катастрофической. Тыл кисти превратился в студенистую синюшную подушку нарастающей гематомы. Но страшнее всего было другое: третья пястная кость сместилась кверху почти на четыре миллиметра. При малейшем пальпаторном касании отчетливо прощупывался симптом «клавиши» — костный отломок пружинил и проваливался вглубь отечных тканей. Нужно было срочно проверить, насколько далеко ушла трещина.

Я развернулась к стерильному шкафу, достала ампулу ультракаина и одноразовый шприц.

Руслан покосился на тонкую иглу, и его брови сошлись на переносице в тяжелый узел:

— Никаких уколов, доктор. И никакой химии. На взвешивании перед боем будет строжайший допинг-контроль. Если найдут хоть следы обезболивающих — меня снимут без разговоров, а пояс отдадут Тарасову.

— Руслан, послушай меня внимательно, — я повернулась к нему, держа ампулу перед его глазами. — Это чистый оптический изомер артикаина ультракороткого действия. Препарат официально допущен Всемирным антидопинговым агентством WADA для применения в неотложной спортивной травматологии при закрытых репозициях. Период его полного выведения из плазмы крови — сорок пять минут. Через два часа его не обнаружит даже масс-спектрометр в лаборатории Кельна. Но если я начну вправлять кость на живую, мышечный спазм разорвет тебе суставную капсулу. Ты мне веришь?

Он долго смотрел в мои глаза. Я не отводила взгляда — в нем была лишь кристальная уверенность врача высшей категории.

— Коли, — выдохнул он и положил руку ладонью вверх на силиконовую подушку столика.

Я выполнила проводниковую блокаду лучевого и срединного нервов четырьмя ювелирными уколами. Через три минуты мышцы его предплечья расслабились, тяжелое дыхание выровнялось. Я сделала контрольный снимок на мобильном рентген-сканере: линия повреждения тянулась под самую головку сустава.

В этот момент дверь с грохотом распахнулась, и в бокс влетел старший тренер. Михаилу Степановичу Рогову было шестьдесят пять лет — коренастый, седой ветеран советского бокса, отдавший рингу сорок лет жизни. Он тренировал еще отца Руслана на заводском ринге трубного завода. Старик тяжело хрипел, его старая спортивная куртка промокла под дождем:

— Руслан! Живой?! — взревел он, подскакивая к креслу. — Мне Тёмка сказал, Шрам нагрянул! А ты что тут делаешь, девка?! А ну отойди от парня! Руки прочь! Я сорок лет в спорте, его отца на заводе секундировал! Знаю я вас, столичных умников! Сейчас фельдшера кликнем, гипс наложим на месяц, согревающей мазью натрем — заживет как на собаке!

Степаных уже занес над столом рулон медицинского гипсового бинта.

— Стоять, Михаил Степанович, — мой голос хлестнул, как мокрое полотенце.

Я развернула к тренеру экран планшета с четкой 3D-реконструкцией снимка мобильного рентген-сканера:

— Смотрите сюда. Сюда смотрите, тренер! Осколок смещен на четыре миллиметра. Наложите ваш дедовский гипс — сухожилия разгибателей намертво спаяются с костной мозо-

лю в неподвижный рубец. Руслан потеряет подвижность кисти и больше никогда в жизни не сможет пробить свой нокаутирующий оверхэнд. Он станет инвалидом. Вы этого для него хотите?

Степаныч оцепенел. Его корявый палец завис над экраном. Старый тренер медленно опустил руки с бинтом, тяжело осел на табурет у стены и схватился за седую голову:

— Господи... Ведь Казанцев знал... Знал, гад, что у Русика после полуфинала микротрещина была! Специально Шрама натравил, чтобы руку добить до комиссии... Зал пропал, пацанов на улицу выгонят...

— Ничего не пропало, — оборвала я его стон. — Пока я здесь — ничего не пропало.

Я повернулась к Руслану. Блокада подействовала, но глубокая репозиция требовала осевой тракции — вытяжения костного отломка.

— Сейчас будет больно, Руслан. Не поверхностно — глубоко. Держись.

Я захватила фалангу его третьего пальца специальным анатомическим захватом через стерильную салфетку. Основание своей правой ладони я уперла в лучезапястный сустав.

— Смотри на меня, — приказала я, наклоняясь к нему так близко, что чувствовала исходящий от него жар. — Не на руку. Смотри мне в глаза. Дыши со мной: медленный вдох носом, выдох ртом. Не закрывай глаза. Я с тобой.

Его темные, обжигающие глаза впились в мои. Здоровой левой рукой он до побеления пальцев вцепился в металлический подлокотник кресла — трубка из нержавеющей стали с глухим скрежетом прогнулась под его чудовищной хваткой. Желваки на челюсти вздулись, пот градом катился по лицу. Я плавно, но с предельной силой потянула палец по продольной оси, одновременно кончиками больших пальцев вдавливая костный фрагмент на место под углом сорок пять градусов.

Щелк.

Глухой анатомический щелчок прозвучал в тишине кабинета, словно взведенный оружейный затвор. Кость идеально встала в свое анатомическое ложе.

Руслан шумно выдохнул сквозь стиснутые зубы и откинул голову на подголовник.

— Стоит идеально, — шепнула я, переводя дух.

Я подкатила стойку BTL-6000, выставила импульсный режим суперпульсации на частоте 25 Герц и направила оптический конус на тыл кисти. Руслан выдохнул и разжал пальцы здоровой руки.

— Греет глубоко, — удивленно сказал он. — И уже не распирает так.

На глазах изумленного Степаныча багровый синяк начал бледнеть, а отек стал быстро оседать.

Затем из водяной бани, нагретой ровно до шестидесяти пяти градусов, я извлекла пластину перфорированного термопластика Aquaplast. Мягкий полимер я смоделировала точно по рельефу руки Руслана — обжимая пястные кости, но оставляя свободными фаланги всех пальцев. Затем охладила спреем.

Термопластик затвердел за две минуты, превратившись в легкий, прочный, как титан, панцирь.

— Никакого гипса, — подвела итог я. — А теперь мои условия: десять дней никаких ударов этой рукой. Я вхожу в твой тренировочный лагерь единственным официальным катменом и реабилитологом. Тейпировать эту руку перед каждым спаррингом буду лично я. И ты будешь выполнять каждое мое распоряжение беспрекословно.

Руслан медленно поднялся с кресла, возвышаясь надо мной на целую голову. Его огромная здоровая ладонь осторожно накрыла мои пальцы, он поднес мою руку к лицу и бережно, почти благоговейно прикоснулся губами к моим костяшкам:

— Ты спасла мою руку и наш клуб, Лиля. С этой секунды ты — главный человек в моей команде. Твое слово — закон для всех нас. Степаныч, отдай ей ключи.

Старый тренер вздохнул и молча положил на мой стол связку ключей от всех дверей комплекса.

* * *

К двум часам ночи гроза только усилилась. Ветер швырял ветви старых тополей в стекло кабинета, котельная в подвале надсадно гудела. Степаныч ушел спать в тренерскую, заставив Руслана лечь на маты в малом зале: бойцу требовался абсолютный покой для выработки гормона роста.

Вдруг мой мобильный телефон на столе задрожал. На экране высветилось имя: *Даша*.

Дарья была моей единственной верной подругой и старшей операционной медсестрой, которая бросила сытую Москву и приехала за мной на заводскую окраину:

— Лиля! — голос Даши в трубке срывался от ветра и тревоги. — Я перехватила ночного курьера из Екатеринбурга! У меня в термоконтейнере полный курс остеорегенерирующих пептидов и тромбиновый клей для рассечений. Но я не могу подъехать к комплексу!

— Что случилось? — я мгновенно подобралась.

— У главного въезда стоит темная «девятка» без номеров. Внутри сидят двое, курят. Они пасут центральные ворота, Лиль! Если я поеду на такси, они перехватят машину!

— Жди у заброшенной проходной литейного цеха. Я иду.

Накинув непромокаемый плащ и прихватив тяжелый металлический фонарь, я выскользнула во тьму под ледяной дождь. Будить Руслана было нельзя — покой работал на срастание его кости.

Пробираясь вдоль кирпичной стены литейного цеха, я внезапно услышала шорох за мусорными баками.

Я вскинула фонарь, приготовив перцовый баллончик:

— Назад!

— Тс-с! Докторша, тихо! Свои! — раздался шепот.

Из темноты показалась мокрая голова Тёмки — пятнадцатилетнего пацана, воспитанника клуба. В руках он сжимал увесистый газовый ключ:

— Ты с ума сошла, одной по двору шастать? Там бандиты дежурят! Пошли за мной, я знаю дыру в заборе у теплотрассы. Твою Дашку я уже через котельную провел, она на складе сидит!

Через пять минут мы ввалились в складской тамбур флигеля. Там на ящике сидела Даша, прижимая к груди серебристый термобокс. Контрольная полоска индикатора показывала стабильные плюс четыре градуса — драгоценный препарат был спасен.

Мы перетащили коробки в процедурный бокс.

— Докторша, — Тёмка озабоченно поскреб затылок, глядя на окно кабинета. — Шрам — мразь злопамятная. Они ночью могут стекло выставить и бутылку с бензином зашвырнуть. Надо сигнализацию сделать.

Вместе с Тёмкой мы за пятнадцать минут подключили запасной охранный датчик из подсобки к пожарному реву на стене, зачистив клеммы перочинным ножом и хирургическим зажимом Кохера. Даша принесла из кладовой старый видеорегистратор: мы направили камеру на окно и шкаф с препаратами, чтобы следующий налет остался не только на наших словах.

Вдруг в коридоре тяжело скрипнула половица.

Тёмка мгновенно побледнел, перехватил разводной ключ двумя руками и встал впереди меня, закрывая собой:

— Лилия Сергеевна, назад... Я ему вломлю...

Тень в дверном проеме шевельнулась. На пороге стоял Руслан с накинутой на широкие плечи кожаной курткой. Забрав ключ из занемевших пальцев пацана, он отвесил ему легкий, отеческий подзатыльник:

— Вояка. А ну марш на маты спать. В семь утра кросс побежишь.

Даша с Тёмкой поняли все без слов и тихо выскользнули в ординаторскую. Мы остались одни.

Часы на стене показывали без двадцати четыре утра. Ноги мои подкосились от пережитого за ночь шока. Я оперлась о манипуляционный стол, едва удерживая равновесие.

Руслан подошел сзади. Очень близко. Я почувствовала тепло его могучего тела, закрывающее меня от всего внешнего мира:

— Ты почему не спишь? — шепнула я.

— Услышал возню, — его низкий голос отозвался вибрацией в моей груди. — Не смог спать, пока ты здесь одна.

Он взял тяжелый деревянный стул, поставил его прямо в дверном проеме лицом в темный коридор, снял свою теплую кожаную куртку и бережно набросил ее на мои озябшие ноги на кушетке. Прикосновение его пальцев к щиколотке обожгло кожу нестерпимым сладким жаром.

Руслан тяжело опустился на стул, перекрыв проход широкой спиной и положив зафиксированную в лангете руку на бедро:

— Спи, доктор Воронова. Моя смена. Пока я здесь — ни одна тварь не переступит этот порог.

Я закрыла глаза. За окном занимался холодный рассвет, по стеклу лениво стекали дождевые капли, а внутри меня, впервые за долгие месяцы изгнания, разливался абсолютный, железобетонный покой. Я была под защитой.

И эта битва только начиналась.

Глава 4. Ключи от дома

Я открыла глаза в половине седьмого утра.

В процедурном боксе было непривычно, по-домашнему тепло: пока я спала, Руслан включил старый масляный обогреватель и занавесил окно плотной брезентовой плащ-палаткой, чтобы холодные отблески заводских фонарей не тревожили мой сон. На моих плечах лежала его тяжелая куртка из дубленой кожи, хранившая сухое мужское тепло, запах морозного ветра, смолы и хорошего табака. На прикроватной тумбочке стоял глиняный кувшин, накрытый чистой льняной салфеткой.

Я откинула салфетку: от кувшина поднимался душистый пар с терпким ароматом чабреца, дикого шиповника и зверобоя. Рядом на клочке тренировочного бланка лежала записка, выведенная тяжелым, угловатым почерком: «Травы с Алтая, для сил. Пей горячим. Руслан».

Я сделала медленный глоток. Горячая волна прокатилась по телу, смывая липкий ком усталости после бессонной ночи. Впервые за месяцы изгнания мне не нужно было вскакивать в панике, ожидая выговора или подлости за спиной.

Набросив медицинский халат поверх свитера, я вышла в коридор, ведомая запахом раскаленного чугуна и жареного мяса.

На просторной кухне клуба у огромной чугунной сковороды стоял Руслан. Его мощная спина с буграми мышц блестела от испарины. Правая рука в термопластиковом лонгете покоилась на поддерживающей перевязи, а левой он виртуозно подбрасывал на огне гору нарезанного свиного сала и домашних колбасок.

— Стоп, чемпион, — я решительно подошла к плите и перекрыла подачу газа. — Этот завтрак отправит твою печень и поджелудочную в нокаут быстрее, чем любой соперник в октагоне.

Руслан обернулся, удивленно изогнув бровь:

— Слышь, доктор, я на этом сале всю жизнь пашу. Мужiku железо и мясо нужно, а не больничная жижа.

— Тебе нужен чистый белок и микроциркуляция для срастания третьей пястной кости, — отчеканила я.

Не споря словами, я достала из своего рюкзака электронные кухонные весы, лоток перепелиных яиц, свежий шпинат и паровую грудку индейки. За четыре минуты на антипригарной сковороде я взбила воздушный белковый омлет с зеленью и выложила перед ним.

Руслан скептически подцепил вилкой край омлета, отправил в рот... и его взгляд изменился. Он молча, с жадным аппетитом за три минуты очистил тарелку до блеска:

— Черт... Я думал, спортивная еда на вкус как мокрая бумага. Как ты это сделала?

— Наука, Шахов, — улыбнулась я.

Руслан усмехнулся, полез в карман тренировочных штанов и вернул мне оставленную ночью на столе связку латунных ключей на стальном карабине. Ночью я так и не решилась забрать ключи от кассы и сейфа.

— Здесь ключи от сейфа, кассы и тренерской, — я отстранилась. — Я наемный врач. Мне достаточно ключа от флигеля.

Руслан взял мою кисть, бережно разжал пальцы и вложил холодный металл в мою ладонь, накрыв ее своей огромной, обжигающей рукой:

— Ты спасла мне руку и жизнь. Степаных в курсе. В этом зале у тебя полный допуск ко всему. Мой дом — твой дом, Лиля. Привыкай.

От его прикосновения по пальцам пробежал электрический ток; я опустила глаза, пряча смущение.

В этот момент на пороге кухни появился заспанный Степаныч. Тренер открыл рот, собираясь устроить разнос за самоуправство, но его взгляд упал на правую руку Руслана: бинты сухие, отек спал, пальцы свободно двигаются, а на лежащем рядом тонометре еще горели цифры последнего измерения — 115 на 75. Старик молча отломил кусочек омлета, прожевал, снял с гвоздя ключи от продуктовой кладовой и положил их рядом с моей связкой:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.